

ИЗЪ СТАНИЦЫ.

Милый *Тихій* Донъ... Стою на берегу и смотрю въ помутившееся водяное серебро. Необычная окраска воды заставляеть вспомнить славную пѣсню и какъ будто къ этому случаю написанныя слова: «А теперь ты, Донъ, помутился весь, сверху до низу»...

Виднѣются жалкія, парусомъ обтянутыя, ярмарочныя лавки, бѣлымъ пятномъ выдѣляющіяся на зеленомъ коврѣ станичнаго выгона; виднѣется малюсенькая кухня, въ которой ютится полицейскій стражъ у закопаннаго въ землю «углерода»¹⁾... Кустистыми клочками разбросались сады съ дулями, грушами и яблоками... И тутъ же открывается видъ на К—ю станицу.

Стара она. Когда то Великій Петръ, идя въ Азовъ, имѣлъ пристанище въ ней, когда то это было станомъ лучшихъ казаковъ по мѣткости въ стрѣльбѣ «въ четь», когда то даже была написана небольшая исторія К—й станицы, и со страницъ тоненькой книжки вѣяло чистымъ чувствомъ вѣры въ доброе прошлое...

Я посмотрѣлъ кругомъ. Непривычная зелень—значить, Богъ послалъ свою милость этому краю. «Такого урожая мы и не запомнимъ! То то хлѣбъ!... Войдешь—и не видно тебя», говорятъ казаки.

И отъ нихъ вѣетъ серьезною дѣловитостью. Недохватъ рабо-

¹⁾ Для отравы сусликовъ.

чихъ рукъ даетъ себя чувствовать уже теперь. Богатѣйшій кладъ хлѣба, вдругъ свалившійся, по крайней мѣрѣ, въ томъ полку, гдѣ я родился, росъ и ежегодно провожу лѣто, засталъ казаковъ врасплохъ. Привыкли они возиться съ простенькимъ плужкомъ, безъ косилокъ, вѣялокъ, молотилокъ. И грандіозность урожая поставила казака лицомъ къ лицу съ невозможностью справиться съ нимъ обычнымъ порядкомъ. Выплываютъ на сцену мелкіе купчики, по кругленькой цифрѣ ссужающіе ихъ хлѣбообрабатывающими машинами. Хоть и вырастаетъ долгъ, зато казакъ чувствуетъ всю прибыль отъ земли и уже переводитъ ее на деньги.

Рѣдкій годъ, урожайный годъ. Казалось бы избытокъ хлѣба умертвить острую нужду, родитъ недостатокъ, и онъ потянетъ на долго. Случались грабежи, случались убійства. Отчасти они приписывались петлѣ, брошенной на шею казака голою нуждою, но голосъ народа, указывая на мѣстную власть—атамана изъ писарей, говорилъ, что все зло отъ слабости, мертвой бездѣятельности и полной неспособности его править такою крупною единицею на Дону, какъ станица.

Сколько писалось, сколько говорилось, что нельзя некультурнаго человѣка ставить къ насѣкѣ, нельзя огромный по территоріи и населенію районъ вручать простому казаку, нельзя его дѣлать «маленькимъ губернаторомъ»...

Да, писалось!... Съ этимъ писаніемъ соглашались, а улита все ѣхала, да ѣхала. Тѣмъ временемъ писаря пустили у насѣки глубокіе корни, и требуется отъ высшей власти на Дону непомѣрное усиліе начать свое правленіе Донскою Областью именно съ этой стороны.

Культурная власть въ станицѣ двинетъ въ могилу непочатый край погрѣшностей бытового уклада. И что это безусловно такъ—я въ волю убѣдился здѣсь.

Является вопросъ. Станичный атаманъ—выборное лицо. Какимъ-же образомъ негодный всему обществу человѣкъ вдругъ получаетъ огромное большинство выборныхъ шаровъ?

Гласъ народа—гласъ Божій. Что атаманъ негоденъ станицѣ—я вижу по тѣмъ жалобамъ, съ которыми приходятъ ко мнѣ *каждый день по нѣсколько разъ*. Для нихъ я человѣкъ посторонній, не имѣющій никакого отношенія къ станичнымъ дѣламъ. Но ихъ просьбы заставляютъ особенно пристально посмотрѣть въ суть дѣла.

Грабежи растутъ, чуть ли не каждый годъ происходятъ страшныя убійства. Недавно я писалъ, какъ въ станицѣ убили станичнаго судью, перерѣзавъ ему горло и сбросивъ его съ мѣшкомъ

песку въ Донъ, а теперь пишу подь впечатлѣніемъ новаго звѣрства: ломомъ пробито два черепа людей труда и работы.

Скажите, развѣ въ населенномъ пунктѣ, гдѣ власть, бодрствуя, блюдетъ свою обязанность по охраненію жизни и спокойнаго труда, подобныя факты могутъ имѣть мѣсто? Я не беру города съ его постоянно мѣняющимся населеніемъ: тамъ это дѣло сложное и трудное. Но станица, деревня, село—статья особая. Здѣсь каждый на глазахъ и общества, и власти здѣсь услѣдить за дѣятельностью темныхъ лицъ легко. И что это такъ—показываетъ прошлое: хотѣли и ловили...

Получается странное впечатлѣніе. Казачишка всѣми неправдами (а что это такъ—скажу послѣ) пролѣзъ къ сторублевому окладу и считаетъ, что главное дѣло онъ сдѣлалъ: обезнечилъ семью. Когда я говорилъ казакамъ, что жалованье ужъ не такое большое, они ухмылялись и начинали передъ моимъ носомъ тереть пальцами: «А это то?... Вѣдь это главный доходъ!...»

— Вы бы жаловались, протестовалъ я.

— Было и это. Приѣдетъ засѣдатель—другъ атамана, накричитъ на жалобщика, разругаетъ свидѣтелей и вмѣсто разбора дѣла получается неразбериха, въ которой виноватымъ оказывается тотъ, кто приноситъ жалобу. А бываетъ, что и въ свидѣтели никто не хочетъ идти...

— Почему?

— Вдовый казакъ—человѣкъ безправный, запуганный и забитый. Атамана, какъ единственнаго начальника въ станицѣ, онъ боится—къ этому причинъ много: и въ тюрьму онъ можетъ его посадить «здорово живешь», да и въ вопросахъ несенія службы можетъ надѣлать не мало непріятнаго... Я покажу не въ его пользу, а какъ его не уберутъ и онъ останется?... Съѣсть!...

Малоразвитые люди особенно мстительны.

И молчатъ.

— Вотъ если бы его убрали, да прислали изъ Черкаска какогонибудь чиновника произвести слѣдствіе—тогда бы каждый безбоязненно несъ свое показаніе на судъ.

Такъ говорятъ въ станицѣ. Мнѣ хочется вѣрить, что только въ этой станицѣ, да боюсь за родство и сходство характеровъ всего донского казачества.

— Если вамъ онъ не въ угоду, зачѣмъ же вы его выбираете въ атаманы? Вѣдь сами посудите: четвертый теремъ кончается.

— Да кто его выбираетъ? Кто? съ жаромъ отвѣчаютъ старики; выборныхъ то онъ *самъ назначаетъ!*... Вотъ то-то и дѣло,

что выборы незаконны!... Да что же подѣлаешь? Кто *осмѣлится* пожаловаться?... Попробуйте, домашности лишитесь—все отберутъ, да еще и въ тюрьму посадятъ!.. Вотъ оно что.

— Но позвольте. Какъ же онъ назначаетъ выборныхъ? Вѣдь по закону этого нельзя.

— Законъ—закономъ, а тутъ можно и отступить. Вѣдь въ хуторскіе атаманы не пройдетъ тотъ, кого не хочетъ станичный: не дастъ отзывъ, окружной и не утвердитъ... Ну и не баллотируешься, разъ знаешь, что съ атаманомъ за одно не будешь: скандала боишься!

— Все-таки я не понимаю, въ чемъ же заключается беззаконіе?

— Фу, какой вы непонятливый: хуторской возьметъ, да и отстранить отъ выборовъ атамана тѣхъ, въ комъ есть сомнѣніе. Одному порученіе дать такое, что тотъ и самъ откажется, другому *посоветуетъ* за домашностью поухаживать на этотъ случай, третьему прямо скажетъ, чтобы заболѣлъ... А подмѣна убившихъ дѣлается просто: «Старики! Иванъ Ивановъ Большаковъ занемогъ. Давайте пошлемъ вмѣсто него Сидора Игнатьева Попова?» «Въ добрый часъ! Въ добрый часъ»!.. Вотъ и все... Поняли?.. А передъ выборами что дѣлается: пьянство, гульба, пѣсни— атаманъ съ атаманшею *задабриваютъ* выборныхъ... Заговорили про хуторскихъ—неугодно-ли вамъ примѣрчикъ: на К-мъ хуторѣ выбрали атаманомъ казака К.—умнаго, работающаго и честнаго человѣка. Конечно, такой не въ угоду станичному, и теперь, когда уже выбранъ въ атаманы, на него ведется травля: онъ оказывается и забастовщикъ и грубиянъ, и поведенія сквернаго—какимъ только его не рисуетъ станичная власть передъ окружнымъ генераломъ?! Съѣдятъ—повѣрьте нашему слову—и не подавятся... Идутъ слѣдствія, допросы... К. и самъ не радъ, что его тамъ, «хорошаго человѣка» (слова приговора), общество единогласно пожелало имѣть своимъ атаманомъ... А пока што, К. сажаютъ въ тюрьму, грозятъ острогомъ. Не выдержитъ бѣдняга... Вотъ такъ-то и живи...

Прислушайтесь къ этимъ словамъ, почти буквально занесеннымъ мною на бумагу. Сколько горя въ нихъ!.. Развѣ хлѣбный кладъ можетъ сгладить тотъ недородъ въ общественномъ порядкѣ, который творится подъ сурдинку?

Вотъ вамъ и выборное начало, вотъ вамъ и *самоуправленіе*!.. Я не повѣрилъ словамъ стариковъ и отправился къ единственному офицеру, пребывающему на льготѣ, М. Трудную и тяжелую лямку онъ протянулъ, пока надѣлъ офицерскіе погоны. Сынъ про-

стого казака, онъ пошелъ въ полкъ шорникомъ и тамъ-то, увидя передъ собою лучший классъ—офицеровъ, задался цѣлью во что бы-то ни стало войти въ ихъ семью равноправнымъ членомъ. Сталь готовиться. Всѣ сбереженія по неурочному заработку онъ несъ учителямъ. Дѣло подвигалось съ трудомъ—нѣкоторые предметы давались ему туго. Онъ срѣзался разъ, другой, но на третій попалъ въ юнкерское училище.

Несчастье его преслѣдовало. Изъ училища пришлось уйти: сломалъ на ѣздѣ ногу, сталъ лечиться и запустилъ занятія. Но вотъ онъ дѣлаетъ новое усиліе; настойчивость беретъ верхъ, онъ кончаетъ училище и надѣваетъ офицерскій мундиръ. Послѣдній не оторвалъ его отъ того занятія, которое давало хлѣбъ его отцу, отъ земледѣлія, и, будучи на льготѣ въ станицѣ среди казаковъ, берется своими, уже изнѣженными, руками за плугъ.

— Трудно не только жить, а и дышать, сказалъ мнѣ М. Сначала, когда я пришелъ на льготу, я думалъ принести пользу станицѣ своимъ участіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ и съ хозяйствомъ и со строемъ. Поѣхалъ за Волгу, купилъ рѣдкаго сорта и роста корову, самъ занялся земледѣліемъ, чтобы наглядно показать казакамъ разницу между культурной обработкой и ихъ, обыкновенной, ходилъ на сборъ, но... станичная власть на меня посмотрѣла, какъ на конкурента въ будущемъ, и вмѣсто должнаго радушія я встрѣтилъ вражду...

Не буду приводить всѣхъ словъ этого офицера. Я приглашаю вдуматься въ то положеніе, въ которое становится вчерашній начальникъ передъ казаками беззастѣнчивымъ усиліемъ атамана-изъ писарей (рядовой типъ) дѣлать все «по своему». Я отказывался вѣрить, чтобы единица—правда мелкая—правительства до такой степени могла осмѣлѣть въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. «У меня теперь одна мысль: общество не столько инертно, сколько запугано безконтрольностью атамана. Совершенно вѣрно, что о жалобѣ на него и рѣчи быть не можетъ, разъ онъ не удаленъ. А удалить его развѣ, не за что?.. Вотъ я и надумалъ: насъ, офицеровъ, пріѣзжающихъ въ станицу на льто, двадцать человекъ. Мы можемъ пострадать меньше, если коллективно сообщимъ кому-нибудь изъ власть имущихъ людей о томъ вредѣ, который приносится станицѣ».

Вотъ вамъ результатъ наблюденій офицера, живущаго въ станицѣ.

Находясь въ служебномъ подчиненіи окружному атаману, онъ конечно, ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Порою-бы и хотѣлось

крикнуть: «держите! грабятъ!., воры»!..—да вѣдь изъ за одного горячаго словечка можно лишить себя и службы, и куска.

Станичная краса—площадь, которою-бы надо дорожить, какъ старинною реликвіею, начинаетъ застраиваться какими-то катухами—лавченками, тыломъ повернутыми къ церкви. Любуйтесь безобразіемъ архитектурнаго вкуса заправиль.

Мнѣ скажутъ: это дѣло зависѣло отъ согласія сбора—онъ давалъ разрѣшеніе на постройку. А атаманъ гдѣ былъ? Неужели онъ не могъ растолковать выборнымъ, что просторность площади не разъ останавливала на себѣ вниманіе сановныхъ лицъ, что сохранить ее въ неприкосновенности составляетъ обязанность сбора? Я прямо обвиняю во всѣхъ этихъ распоряжкахъ станичную власть и по своему личному впечатлѣнію отъ сбора.

Недѣлю тому назадъ, узнавъ, что въ этотъ день назначенъ сборъ, я, часовъ въ 11, пошелъ въ правленіе. Оказывается, офицеръ не можетъ присутствовать на сборѣ безъ разрѣшенія станичнаго атамана. Ну, попросилъ разрѣшить. Начинаю ждать. Проходитъ полчаса, часъ, полтора—сбора нѣтъ: выборные не пришли. Наконецъ, раздается тоненькій трезвонъ въ колокольчикъ и майданъ наполняется стариками.

— Смотрите, какъ онъ начнетъ засыпать сначала всякою мелочью, а главное оставитъ на ночь, когда половина выборныхъ будетъ сонныхъ, часть разойдется, а часть—просто пьяныхъ. Тогда и дѣла рѣшатся такъ, какъ онъ захочетъ, сказалъ одинъ изъ стариковъ.

Дѣйствительно, какъ изъ мѣшка сыпались приговоры то объ увольненіи со службы по семейному положенію, то о выдачѣ двухъ рублей, когда-то недополученныхъ табуннымъ фельдшеромъ, то... да что тамъ «то», когда я просидѣлъ на сборѣ порядочное время и все-таки крупныя дѣла на обсужденіе поставлены не были. Кстати. Почему-бы не обязать станичныхъ атамановъ представлять програму очереднаго сбора съ перечнемъ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе выборныхъ? Почему-бы выборныхъ заранѣе не увѣдомлять записками о тѣхъ дѣлахъ, кои будутъ разрѣшаться на сборѣ, поставивъ ихъ въ той очереди, которую утвердилъ окружной атаманъ? Прежде, чѣмъ идти на сборъ, выборные посовѣтовались-бы съ выборщиками, и на данный вопросъ имѣли-бы готовые отвѣты. Если это такъ и полагается, почему этого нѣтъ въ жизни?

А предстояли большія дѣла: о закрѣпленій песковъ въ станицѣ—вопросъ и интересный и чреватый результатами; о вы-

гонныхъ мѣстахъ; объ увеличеніи содержанія должностнымъ лицамъ станичнаго правленія; о раздѣлѣ земли за Дономъ и пр.

Томительно шло время. Среди стариковъ я слышалъ фразы: «да ты намъ дѣло давай, а эту мелочь можно и потомъ пропустить!.. Ощетинимся—тогда только подставляй!...»

Но «дѣло» пропускалось. На лицахъ казаковъ уже выступила сонливая скука. Казалось, что имъ все равно—быть или не быть, удовлетворять или отклонять. Странное впечатлѣніе оставляло это собраніе. У многихъ головы свѣсились на грудь, глаза сомкнулись и они «задумались»...

Я не выдержалъ и ушелъ.

Глубокой ночью, проходя мимо правленія, я видѣлъ свѣтъ, слышалъ зычный голосъ атамана и... только.

Сборъ рѣшалъ дѣла!

Между прочимъ прошло почти незамѣченнымъ извѣщеніе изъ округа, что 30 августа назначены состязанія въ станицахъ въ скачкахъ, гимнастикѣ и прочихъ упражненіяхъ. Огромный урожай потребуетъ большого напряженія рабочихъ рукъ. Казаки предполагаютъ, что обработка хлѣба продлится до глубокой осени, а участіе въ подготовкѣ къ состязаніямъ, конечно, отниметъ и время, и лошадей, и молодые руки. Вотъ почему, казалось бы болѣе полезнымъ перенести эти состязанія по крайней мѣрѣ на середину сентября, хотя климатическія условія позволяютъ это сдѣлать и позже.

Я живу въ станицѣ, отстоящей отъ чумного когда-то хутора Попова на 40 верстъ. Страшный бичъ народнаго здравія рисовался мнѣ такимъ пугаломъ, что я думалъ по своему приѣздѣ не застать по меньшей мѣрѣ половины изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Чума!.. Давно-ли намъ говорили на лекціи по исторіи, что натворила чума въ Москвѣ?.. Давно-ли минуло время, когда въ Манчжуріи она, пустивъ-было корни, проявила свою мощь и силу?

Я думалъ, что и простонародье запугано и застрашено ею. Я предполагалъ найти въ районѣ хутора Попова, а значить и у себя, такія карантинныя мѣры, такую санитарную мобилизацію, которая на каждомъ шагѣ будутъ говорить о страшной гостьѣ. «Вотъ такъ лѣто, думалось мнѣ, и отдохнуть не придется: напряженное ожиданіе нашествія смертоноснаго страшилища отравитъ мой отдыхъ».

Однако, въ этомъ пришлось постепенно разочароваться—по мѣрѣ приближенія къ Царицыну и къ одной изъ срединныхъ станцій на желѣзной дорогѣ между этимъ городомъ и Тихорѣцкомъ.

— Тутъ ее вѣту! Ну-у, зачѣмъ ей тутъ быть?.. На хуторѣ Поповомъ, говорятъ, она пошалила, а у насъ, по милости Божьей, о ней не слыхать, говорили казаки.

— Тутъ такъ близко и до Попова и до Астраханской губерніи, что занесеніе этой болѣзни весьма возможно, и ее надо ждать, останавливалъ я собесѣдника.

— Ну такъ что же?

— Надо остерегаться, блюсти чистоту; съ особенною осторожностью относиться къ сусликамъ во время полевыхъ работъ. Кстати— ихъ должно быть уничтожаютъ?

— Не! Чего ихъ убивать? Нехай живутъ: тоже вѣдь Божіи созданія. Поговариваютъ, что приказано ихъ вытравливать присланнымъ изъ округа углеродомъ, но, хотя ихъ и убиваютъ по малости, въ полѣ сусликами хоть шибайся!

И мнѣ припомнилась кухонька на берегу Дона, въ которой и возлѣ которой хранится углеродъ. Года три назадъ его держали въ станичномъ правленіи—тамъ его и разливали казакамъ по бутылкамъ. Все шло благополучно. Людямъ станичной администраціи и въ голову не приходили послѣдствія отъ неосторожнаго съ нимъ обращенія. Года три назадъ углеродъ изъ большой бутылки, при разливаніи, былъ пролитъ по полу огромнаго и ветхаго зданія. Злые языки говорили, что казакъ, завѣдывавшій розливомъ углерода, бросилъ окурокъ, и ничтожная искра произвела сильнѣйшій взрывъ. Окна, двери, рамы, скамьи были выброшены изъ правленія на площадь, а само зданіе въ одинъ мигъ превратилось въ сплошную костеръ. Слава Богу, что отстояли сосѣднія лавки. Страшно подумать, что было бы въ случаѣ перехода огня на другія постройки.

Впловныхъ, конечно, не нашли; изъ станичныхъ суммъ выбросили больше десяти тысячъ на возведеніе новаго зданія для станичнаго правленія, а углеродъ стали хранить въ «скрытомъ видѣ» на берегу Дона.

Возвращаясь къ чумѣ, нужно сказать, что населеніе, начиная съ интеллигенціи и кончая простымъ казакомъ, узнаетъ про чумныя вспышки только изъ газетъ. «Нишуть, что въ Астраханской чумить, говорятъ въ станицѣ; впрочемъ и на Котельниковомъ на чысь опечатали домъ».

Вмѣстѣ съ запыленными возками мелкихъ торговцевъ, кочующихъ съ мелочнымъ товаромъ по ярмаркамъ на Дону, она прилетѣла страшной новостью въ станицу.

Никого не испугавъ, она скорѣе вызвала удивленіе неожиданнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ она, охъ, какъ возможна.

Къ счастью вѣсть о чумѣ оказалась уткой.

Характерно отмѣтить хладнокровное настроеніе казаковъ. Наступаютъ ярмарочные дни—сѣздъ съ разныхъ сторонъ: изъ Астрахани, съ Волги, изъ другихъ станицъ. Ждали, что торговля будетъ большая; оказалось, что размѣры ея не вошли даже въ самые малые предѣлы лѣтнихъ ярмарокъ. Балаганы съ крашеными сластями, металлическими издѣліями, квасомъ, пивомъ и виномъ росли, но большихъ построекъ (кромѣ трактировъ) не было—плохой признакъ для продажи скота.

Такъ и случилось. Нагонъ четвероногой живности былъ слабый, цѣны среднія и покупныхъ рукъ мало. Что меня поразило: наибольшій успѣхъ въ продажѣ лошадей имѣли татары и казаки, пригнавшіе ихъ съ Волги. Казалось бы, что на Дону должно быть въ достаточномъ количествѣ и собственныхъ лошадей, чтобы не нуждаться въ чужихъ. Казалось бы, что пригнанная лошадь, какъ низкорослая, рабочаго и тяжелаго типа, не должна бы имѣть успѣха у казаковъ. Но, взглянувъ на огромную толпу, плотнымъ кольцомъ окаймившую деревянные загоны (родъ база¹⁾), впечатлѣніе мѣнялось, особенно, когда двери то и дѣло открывались для пропуска проданной лошади съ ловко накинутымъ арканомъ на шеѣ.

Говорятъ, донская лошадь измѣнилась, стала хуже. Если бы отъ существующихъ дефектовъ въ выращиваніи молодняковъ (ранняя запряжка, работа и пр.) отнять вотъ этотъ ярмарочный растворъ, возможно, что донской типъ и сохранилъ бы свой видъ и качества.

Ярмарка была со всѣми причитающимися онерами: двухъ отправили на тотъ свѣтъ, ограбивъ на двѣ тысячи рублей, одного оставили безъ кармана, въ которомъ лежали двѣ сотни денегъ...

Случаямъ этимъ никто не удивлялся: какъ-же иначе?! Будь все тихо и спокойно—атмосфера страдала бы отсутствіемъ обычнаго явленія, принявшаго форму традиціи.

За то сколько попили, сколько пропили!.. Самыя грандіозныя постройки—кабаки. Гремить музыка—тромбонъ, гармошка, кларнетъ, корнетъ и барабанъ; причемъ гармошка играетъ заглавную роль. Она ведетъ мелодію, а остальные «прилаживаются» къ ней.

Биткомъ набиты трактиры. Казаки, казачки, старики—партиями и въ одиночку—входятъ въ широкія полотняныя двери и садятся на сбитыя наспѣхъ скамьи. Тромбонъ смѣшивается съ протяжной пѣсней, кларнетъ вторитъ гармонкѣ, а около подпившая пара откалываетъ казачка.

¹⁾ База—дворъ по казачьи.

Громъ голосовъ и музыки—первый показатель ресторанной жизни на ярмаркѣ, и она захватываетъ своею пьяною волною все новыя и новыя жертвы.

А вокругъ повозокъ, раскинутыхъ таборомъ, съ привязанными лошадьми, быками и коровами стояли *свои* пѣсни!.. Богатый урожай отразился на настроеніи ярмарочной публики: накануне размѣна зерна на деньги не было нужды въ широкой продажѣ живности, да и деньжонокъ легче перехватить.

Встрѣчая мѣстныхъ купцовъ, я интересовался вопросомъ, почему они не участвовали на ярмаркѣ.

— Помилуйте, панъ (въ нѣкоторыхъ станицахъ офицеровъ называютъ *панами* — остатокъ польскаго вліянія), штоже хотите, чтобы насъ избилъ, да товаръ отняли? Года два М. чуть не укупили—съ тѣхъ поръ и мы бросили торговать: пускай лучше пропадутъ наши барыши, чѣмъ жизни.

Какъ много осталось впечатлѣній—самыхъ разностороннихъ! По одной станицѣ, конечно, не составить картины о всей области. Да этого я и не хочу. Не дай Богъ, если самый слабый оттѣнокъ описанныхъ суетъ будетъ имѣть мѣсто въ кинематографѣ всего Дона. Окунаясь до дна въ станичную жизнь, мнѣ хочется не униженія родного края, а его величія на спокойномъ и трудовомъ фонѣ. Сбросьте разбойную безабашность, отрубите вороватыя руки, которыя начинаютъ красть не только лошадей но и верблюдовъ, какъ это и было здѣсь надняхъ, обставьте общественную безопасность такъ, чтобы малѣйшее нарушеніе ея фактически отражалось на репутациі станичной власти, авось и картина—перемѣнится.

Какъ мало нужно, чтобы широкимъ мазкомъ на огромномъ полотнѣ края начать ее: поставьте во главѣ станицъ офицеровъ, любящихъ службу на Дону. Они приберутъ къ рукамъ буйную нечисть, они обезначатъ спокойный трудъ и сдѣлаютъ его культурнѣе и производительнѣе.

М. Курмояробъ.

